

89.2 Хат
к Б-18

Г. БАЙДУКОВ



ПОЛЮС ЭЛ'ТЫ АМЕРИКАЯ







Г. БАЙДУКОВ
СОВЕТСКА СОЮЗ ГЕРОЙ

ПОЛЮС ЭЛ'ТЫ АМЕРИКАЯ

Ханты ясынга В. АЛАЧЕВНЫ
толмасьтысы

И. И. ТЕРЕШКИН ёш ухтыны

Б. КОЖИН и М. ТАРАНОВ рисункыт

Ханты-Мансийская
окружная библиотека
краеведческий отдел

обяз.
экз

- 8/м -

Краеведческий
фонд

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

К 81.2X2Г
Б20

Г. БАЙДУКОВ
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ЧЕРЕЗ ПОЛЮС В АМЕРИКУ

На хантыйский язык перевел
В. АЛАЧЕВ

Редактор Н. И. ТЕРЕШКИН

Рисунки Б. КОЖИНА и М. ТАРАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД ★ 1939

МА ОЛ'НГЕМНЫ

Няврема ул'мемны авиация ол'ынгны ант нумыссым. Си пораны ол'ынг пуртыпсэт верынтта туп питсаит, и Сибирска карты юш ай станцияны, хотя ма семьяем ус, си пуртыпсэт ол'ынгны нэм-хоят ант хул'ыс.

Ма асем пант л'есятты рабочийя ус. Ангкем ел'хоят хотхарет л'ёхытыйл'ис. А мин йив-похем пил'ны харыт па унтыт хуват хухыл'лисмын и мунг мисэв Бурянкаев л'авытсомын.

Ситы ма нивил'мит ол'ем унта усым. Унл'тыйл'ты порая йис, но тота, хотя мунг усув, школа ант ус. И ма шенгк люпитым ангкем пил'а хув кеша катна мансым. Асемны ма Чаны станция школая масым. Манэм унл'тыйл'та кен ус, и оса пора ма ар тайсым.

Станция шийтам ул'пыс манэм марема йис, ма ант үим вошл'ам вантта номыс версым.

Хул'ым тал' мар ар тахи хуват янгхсым. Ар пуш школаитны уня'тыйл'та питыйл'сым, туп мол'ты-омат л'ул'ын ол'ынг унл'тыпсы хол'тыта, но кашинг пораны нур вермем пата ким вошатыйл'саим.

Хол'на ай няврема ул'ман, ма л'авырт ал' юр ропота тусым. Ропитсым ма и ал' ропитты хоя и кровельщика. Хун Велика пролетарска революция тывыс, нявремыт л'авырт ропота эвыл'т хол' вута питсаит, и ма профессиональна школая китсаим. Си пораны манэм ветхосьянг тал' ус. Ма яма унл'тыйл'та питсым и

нял' тал' ювпины слесарна, токарна, столярна и кузнец вер унл'тысым, математика па физика унл'тысым.

Хун мунг мувева нэпекынг па юрынг ай пилотыт мосмытсыт, ма маны кашемны Вурты армияя ханшаньссым и авиашколаны унл'тыйл'та питсым. Си пораны ма хол'на ворасинг усым, дисциплинаем вевл'ам ус и командирыт ма эвыл'тэм ям лётчик, сознательна гражданин па родинаев боец верты пата ар юр понсыт. Си пата л'ывел' пумасипа мал'ым.

Интам, хун ма мир шуп керытсым, ар мув, сёрс па океан вантсым, ма шокынг няврема ул'ым нуптэм нумыл'мыман, нумysl'ым: муй л'ул'н ма версым, Советска власть ант ки ус? Ил'ампа, кровельщика си хасьсым.

Нивыл' тал' мол'тас ма воздушна юрыт арсир отрядытны ропитсым и туп си ювпины нумыста питсым уны воздушна путешествиенит ол'ынгны.

Ма л'ангхал'сым пуртыл'ита тота, хотя нэмхоят хол'на ант пуртыл'ыйл'ис.

Интам 1936 тал'ны мунг хул'ым лётчикл'ув — Чкалов, Беляков па ма пурыл'сув Сталинска пант хуват, тарым иськеп Советска Арктика тахет эл'ты па якутска репыт эл'ты.

А 1937 тал'ны товарищ Сталин мунгыт овыс полюс эл'ты Америкая пурл'ыта эсл'сыл'е.

Мунгев пурл'ыты пата л'есятман ус ям советска моторынг самолёт. Мунг там самолётны яма пуртыл'ита унл'тысув, иса л'ув приборл'ал' унл'тысл'ув.

Полюсны л'ол'ьты турым ол'ынгны мунгев Папанин ай мас. Л'ув си пораны самынг пил'ёхал'ал' пил'ны ноптыйты енгк ухтыны ус.

Там книгаемны ма и потыртл'ым нангел'ын, нявремыт, хоты мунг овыс полюс эл'ты Америкая мансув.

Г. Байдуков.

НОХ ПУРЫТСУВ

Интам мунг манл'ув хув па пал'тап панта. Иса хошма л'умытл'исув, чай яньсьсув па аэродрома мансув.

Нова йита питыс. Вот антом. Иськишик. Унт эвыл'т ал'ынг шив этымыл'.

18 июнь ат ол'ынг сёс, самолёта манта пора!

Нох пурл'ыты юш ухтыны мунг этпынг маркып воев омысл'. Ар хоят ям ул'ым верта акмыс. Ак-мым ёх ун пелык мунг патангев пал'та питсыт, ий тох ёх сэмны сэм йингк ховытыс.

Мунг кабина л'онгсув и пушканл'ув, патрон-л'ув, л'охл'ув, часэв, измерительл'ув, ветрал'ув, консерва банкал'ув и па арсир янас отл'ув шавий-та питсыл'ув.

Ювол'ынгны, си л'есимсув. Кабина эвыл'т л'ухыс ёхл'ув ар ёш пасирл'ув. Ий тох ёх хонгх-тэп л'оньсьман, мунг хосева хунгхл'ыт, ям ул'ым верман, така апыл'тысыт и мосл'тыта мунгыт

питсыт. Ювол'ынгны, Валерий Чкалов самолёт туты тахел'а омсыс. Ма л'ув шаншл' сая омсым. Саша Беляков л'онгтыйл'ты ов лап лангкыс. Самолёт пунгыл' ишни эвыл'т кал'ыс, хоты ёх ий пелыка манл'ыт. Стартер новы флажокны реведемыс, нохл'и ош верты ракета менмантыс — и самолёт нёхтыс. Мотор иса юрл' муйкемны увыл'. Самолёт паста и паста ел'лы пант хуват хухытл', сял'та эсл'ым-тыс — и мунг нох этымысув.

Щелков вош заводит пусынгны кавырты тур-паит йиплал'ыт. Аэродром ёл'та хасис. Ям ул'ым Москва! Ситы си мунг полюс эл'ты Америкая пурытсув.

САМОЛЁТ КАБИНАНЫ

Мунг кашинг хоев ар вер и обязанность тайл'. Чкалова нивыл' час мар самолёт тута мосл'. Манэм нял' час мар самолёта манты пант памтыйл'та мосл', полюс пел'и пайтыя манты пантэв вантман тайта мосл', па мосл' радио хуват потыртта. Беляков ол'ынг мар рутсита питл'. Пора парл' Чкалов туймыл', и сиртны ма л'ув вотэл'а омысл'ым. Беляков питл' радио хуват потыртта и самолёта пант памтыйл'та питл'. Ситы кутл'ув, кутл'увны нётман, мунг манта питл'ув.

Манты тахев юремытны тюк шив л'ол'ьл'. Чкалов кепканы па сох курткины мет-мол'ты антом лётчик, а шофер, мата хо мунгыт вош кимпия



тута л'есьмыс. Л'ув рома омысл' па ванкутл' ил'л'и пел'и вантыйл'л'.

Саша Беляков воинг бак ухтыны ол'л', л'ув ил' пел'и пунынг ол'ты хир л'ермыл'томал'. Л'ув хув курнгыл' бак ухтыны ант тэпнгын, л'ын хува радиостанция томпия тал'ыссангын. Атым хорасып пунынг сопекнгыл' осьмарынга нёхамыснгын, мет-мол'ты кат пунынг амп пошихнгын.

Ма радио хуват Москвая ай павытл'ым, хоты мунг моторев ропитл' па хоты мунг манл'ув.

Кабина л'ипины ийвол'апа мотор марийты сый сясьл'. Советска мотор ант вол'ийман ропитл', и мунг ишикл'ыл'ув мунг рабочийл'ув па механик-л'ув.

Ямса пелык эвыл'т хатл' этл'. Л'ув мунг хосева кабина ишни мухты хутл'ыл' и сэмл'ув во-сирл'. Этыр хар л'ампи сэмкарты л'умытл'ым.

Пора манл'. Самолёт овса паста манл'. Интам мунг ил'певны ар-ар мал'ынг кал'л'. Л'ыв унэт куш, но самолёт ишни мухты ая кал'л'ыт — мет тарел-каит. Ел'пины карысь пал'нгыт кал'сыт

Кат самолёт хува мунг пил'евны янгхсангын. Интам л'ын ёхл'и керитл'ангын. Лётчикыт мунгев кабина эвыл'т ёшны ревийл'ыт и сял'та сэм эвыл'т пентсыт. Шимыл' марсема йис. Но мунг вурты маркып гигантэв уйман овса манл'.

Мунг айл'та иса карся па карся этымыл'ув.

Ма ванкутл' приборытны меритыйл'л'ем хол'ся

вот пол'ыл', туса маны пантэвартатыйл'ем, муй хоты лётчикыт потыртл'ыт, маны юшев памтыл'ем. Сит иса вурты журнала ханшл'ем. Хун радио хул'ынты порая ёхытл', ма наушник л'умытл'ым па Москва пил'а катл'ысл'ым. Москва эвыл'т мунгев ош верл'ыт, муйсир ел'л'ы турым питл'. Ванкутл' иньсисл'ыт, муйсирны мунг верл'ув манл'ыт. Радио пата мунг янас журнал тайл'ув — л'ув этыр хар хорпи. Сив мунг Москва пил'ны потырты иса потрыт ханшл'ув. Иса, муй манэм кал'л' — иса днев. и-каема ханшл'ем. Хун пуртыпсы хотал', ма книгаем ештыл'. Л'ув и нявремытны л'унгытл'а. Л'ывел' хоты осьхось ута, мунг пуртыпсэв ол'ынгны. Ант уйман хатл' кутыпа йис. Беляков нох верытыс и ма л'увел' дежурством мал'ем. Л'ув туса ма эвыл'тэм иса приборыт па книгаит вул'л'е.

Ма ол'ты тахия л'онгл'ым, хотя интам туп Беляков рутсис. Пунынг ол'ты лот л'есятман, ма Валерий шанш сая ол'сым.

ОЛ'ЫНГ ТРЕВОГА

Но ол'ты вурек манэм ант ус. Сора Беляков тревога ал'мыс. Л'ув маныт нох куритсыл'е, ям ол'ты лот эвыл'т ил' тал'ман.

— Вой хол'сясат этл', — Саша лопыс, — хот-хара ёшл'ны шашман.

Яна па, кабина хот-хари авиационна войны

шошыман ус. Ма сора Чкалов хоси вуратсым и тывым вер ол'ынгны пал'л'а увта питсым.

Чкалов ма пел'ема пакным сэмны ангкырмыс па л'ермат нюхмыс:

— Сора канше шукатым тахи!

Мунг иса пакынсув. Пал'тап минутаит усыт! Хоты иса вой манл' ки, сиртны мотор иси пул'янг нох вол'ыил'. Мотор ропитта ант ки питл', самолёт мува тал'та питл'а, и мунг ант ёхытл'ув Америка унта, мунг ант ёхытл'ув полюс унта... Мунг мо-сманг Сталинэв партым вер хол' ант верл'ев.

А Сталина мунг нютл'ыпсы масув и л'ув мунгев понысыл'. Пакныпсэв хол' воськыман, мунг рома каншта питсэв муй эвыл'т вой этл'. Насосны вой моторна бак эвыл'т янас сопас бака шошим-сэв. Кабинаны кал'ыл'ым вой ар пуш нох мунгхыс-сэв. Лансяк мунг ант тайсув. Сиртны мунг резинова хирет эвыл'л'исув, хотя мунг л'еты отл'ув усыт. Мол'ты кем сёс эл'ты оша версэв муя вой этыс. Матырны мунг шенгк ар вой бака понсув, сиртны мол'тас вой бак эвыл'т ким этыс.

Ситы ол'ынг шок эвыл'т этсув.

САМОЛЁТ ЕНГКНЫ ЛАНГКСА

Ма так ол'ымны ол'сым. Етн янгмит сёсны ма нох кил'тысыим! Ант куш л'ангхал'сым нох кил'-та. Но Чкалов туса пуртыпсы верман, руль хоси нивыл' час омсыс и туймыс. Л'увыт пелытта мосл'.

Ма Бемяков пил'ны потыртсым. Тунг юш хуват манты вер оша павытман, ма ол'ынг омысты лота л'онгсым. Омысты лотл'омынны пелтасьта минэмын л'авырт ус.—Ермат кабинаны хул' иты нянгылмыта мосл', сюкыратман л'онгта.

Хун ма курнгол'ам управление ухтыя л'осьсыл'ам, Валерий мол'ты манэм увман лопыс, но мотор марынг сый пата ма нэмомл'ты ант хул'сым. Валерий ёхл'и вангкыс. Ма приборыт туса вантсыл'ам и самолётны управляйтта пытсым.

Лакка вантсым. Сютэвыл'т мунг кат пал'ынг пайнгын кутны манл'ув, матотнгын си-си яха ханл'ынгын. Мет-мол'ты ант манл'ув, а юрема керийл'ув.

Шенгк л'ел'тым самолёт карся этымыты ант мошитл'. А мунг л'ангхал'сув, ат л'ул'ын самолёт пал'нгыт нумпины янгхта мошитыс. Ванкутл' уттийл', там новы л'оньсип пал'нгыта самолёт л'онгтал'ны, л'ыв эвыл'тэл'ким этмытал'ны енгкны потл'а. А енгк ки кул', сиртны самолёт л'авырта йил' и сыры ил'и манл', амуй ил' кериил'и мува питман рава шукатл'. Симись пал'нгыт эвыл'т лётчикыт пал'л'ыт. Л'ывыт мосл' лакка манта. Нумыл'та манта рахыл', амуй ил'та манта. Но сыришик оша верта, самолёт енгкны потл'а муй антом, шенгк л'авырт.

Шоп, пал'нгыт ул'л'ыт, матотыт кутны тал'ынг хатл' мар манл'ын и нэмомл'ты ант тывыл'. Туп



сэмл'и янгхта хошта мосл'. Маркынг вой ант мошитл' пуртыл'л'ита, хун л'увел' муv ант кал'л'. Голубя сэмнгыл' лап ки йирта, л'ув нэмхол'ты ант манл'.

А лётчик шив кутны муй пал'нгыт кутны манта мошитл'. Л'увел' муv хар, турым хар ант кал'л', но арсир приборыт онтасны л'увел' ошинг, муй сирны самолёт манл'.

Сэмл'и пуртыл'л'иты вер — ма специальностем, и пал'нгыт кутны ма ар пуш янгхсым. Хун сэмл'и манти вер ёхтыйл'ыс, Чкалов лётчик омысты лотл' манэм миинсыл'е. Ситы мин кутэмынны сыры ястыман ус.

Интам, хун ма касятсэм, мунг лаккангев пал'нгыт янгхл'ыт, манэм ошинга йис, муй ол'ынгны Валерий увыс, хун ма штурвала омсым.

Термометрая ангкырмысым, — л'ув иськи памтыйл'. Там атым пос. Пал'нгытны енгкымыпсы л'авыл'та мосл'.

Самолёт шенгк кавсятта питс. Кабинаны йингки йилынг сясийл'. Муv иса ант кал'л'. Л'ув пал'нгытны лап лангман. И хатл' хол'т пел'и пал'нгыт сая ханемыс. Там новы енгкып соитны самолёт марыкнгын лангсайнгын, ма лакка новы шив вантл'ым. Самолёт туп приборыт посны катл'л'ем.

Муйкем номсынгыт па апынгыт там приборыт. Арсир нёл'ны самолёт иса ропота ал'ьл'я.

Ситы мунг хурыйман ул'ман мансуv. Роман

касятсэм, моттырны ел'пи кабина ишни лыптыт енгк
йишипны лап тал'л'айт. Вурты марыкнгын новыя
йита питсыннгын. Картинг сый сыймал'ыс и самолёт
мет лихорадканы торнгыттыта питса. Енгкымыпсы
так па шенгк палт'апынг. Сора курымны винт
эвыл'т енгк хол'т сыстамтта мосл', па сирны хува
ант манл'ын.

Ма иса юрны увемысым:

— Валерий!

Чкалов туймыпсы эвыл'т вурта хатсим сэмнгыл'-
ны, пакынман, сора ма хосема вангкемыс.

— Йингк шошимта нарма!

— Си нарымл'ым! — иситы сыинга лопыс манэм
Валерий.

Л'ув бак эвыл'т сора ил' вохтэмыс и насос
кавсятыта питыс. Л'уви сир йингк тырсыпны карты
винт душ иты л'ёхил'л'ита питса, л'ув ухтэл' эвыл'т
енгк хол'г сыстамман. Самолёт ромашик йис.
Картипсэт шимл'амысыт.

Там л'авырт минутаит усыт!

Чкалов ухны ил'ампа па мол'ты кем вотэм упыт
тывыс.

Ма оша павытсэм: па ки шимыл' ул'л'ув
там пал'нгыт кутны, самолётэв рава йил', муй па,
енгк эвыл'т л'авырта ювман, йингк ухтыя муй
енгк ухтыя сыры курымны ил' омысл'.

Сора енгкматы тахи эвыл'т менмантта мосл'!
Карсяшик! Карсяшик! Ма мотор иса юрл'ны эсл'сэм



и нохл'и манта питсым. Самолёт айл'та метр, метрны нохл'и манл'.

Пува пелык эвыл'т туп кал'ты хатл' ёшит хутл'ы-та питсыт, — л'ыв ал'ьсыт, что пал'ынг ол'ынг ванны.

Минут ювпины хатл' кал'ымтыс, и мунг иситы хутл'ыл'ув и кашингыт, мет л'ув ёшл'ал', ил'н хасим пал'нгыт пел'и ёрынга вантыйл'л'ув.

Ма кена л'ыл' тал'мысым па тангкыр эл'ты Валерий пел'и вантсым. Л'ув антом шимыл' шок тус и интам нях мукулны, ол'ты хирия хошмашик ёвыртыйл'та питыс. Хатл' ил'пины сора енгк эвыл'т ма кабинаем ишнет сыстамтыйл'сыт.

Пал'нгыт, мата отыт мухты мунг менмантсув, хасьсыт хол'ты пел'и хувын ил'н.

Минут мар ювпины ил'н сёрыс кал'ымтыс. Атэл'т пароход, мунг ил'певны манман, турпайл'ал'ны пусынгтыс.

Ма си ол'ынгны нумысл'ым, уйтсаюв муй антом мунг пароход эвыл'т.

Ил'ампа антом. Но мотор марынг сый сит хул'сэт и сит ол'ынгны радио хуват Москвая ай павытсыт. Сит сэмат ул'. Ил'ампа и Сталина ай павытсыт, мол'ты мунг яма манл'ув. Л'ув мунг ол'нгеvны мет ар нумысл' — ма сит шенгк яма ул'ем. Л'ув хоты иса ёх люпитл'ыл'е, лётчикыт люпитл' и иса ёх ол'ынгны вантыйл'. Иса ёх ишкыл'. Манэм яма па хошма йис там номсыт эвыл'т.

ХАСЬ ТОМЫТСУВ

Пора сора манл'. Ант уйман сменаем ёхтыс.

Ёхл'и керытл'ым па ёшны воимл'ым пил'хоем
нох курытл'ем. Чкалов сэмнгыл' мунгхысл'. Сора
ма л'увел' штурвал мал'ем, а ма Беяков хоси
манл'ым. Беяков л'ув пасаныел' сайны, тыштыман
омысл'. Л'ув мосты приборл' шукатмал'. Си прибор
хатл' онтасны ал'ъл', хотсат мунг пантэв кал'л'ев.
Си прибор антом ки, сиртны томытта кен.

Кур ил'пины иса иси пал'нгыт кал'л'ыт. Л'ыв
тал'ынг хатл' хуват мунг эвыл'тэв муvлап лангкл'ыт,
и мунг ант ул'ев, хол'та ёхытсуv.

Беяков туимман ухыл' ил'и эсл'сыл'е, менмым
телеграфна радио сыит радио хуват катл'та вуратл'.
Патымнгыл' пивтыя хатсиснгын. Веншл'ны мормыт
кал'ымсыт — л'ув шенгк туймыс.

Ма л'увыт рутсита партсэм, а ма л'ув вотл'а
омыссым. Йил'ып ухны ма шукатым прибор сорашик
л'есятсэм. Муй л'уват амтыпсы! Интам мунг пайтыя
пуртымл'ув полюс эл'ты Америкая. Ий сята радио
хуват Москвая ювол'ынг ай масым.

Ма часа ангкырмысым, л'ув ийхосьянг сёс етн
ал'ис. Москваны патлам, и иса ол'та актысьл'ыт.
Ил'ампа и ма ай эвем Эмма ул'ымны сюськурекие
муй мойпыр пошхие вантл'. А тата, енгки сёрыс
кутны, л'унгын ат антом и хатл' май тылысь эвыл'т
сентябрь тылысь унта ант омсыйл'ман, ар хатл'

ийвол'апа хутл'ыл'. Хатл' нэмо́л'ты вурны ант мо-
шитл' нох вол'ийта ун енгки харетны амтыл'иты
тахел' эвыл'т. Но сит пата тал'ин тал' шуп мар
нох ант этымийл'л'.

ПОЛЮС

Тарым вот есял'т пол'л' и мунгыт катл'ыл'е.
Мунг тал'ынг сутка манл'ув. Москваны ёх ол'ым-
л'ал' питсыт и ропотая тэрматл'ыт. А мунг хол'на
полюс унта ант ёхытсув. Пора айл'та манл'. Мет-
мол'ты тал'ынг тылысь манл'ув. Тами туймыпсы
эвыл'т. Ил'ампа шенгк карысьны маны пата туим-
сув.

Манмев мар туп ий пуш л'есув. Па и л'есув
туп ий бутерброд ветчина пил'ны (нёхенг нянь
ширам). А Москваны нявремыт там мар мет ши-
мыл' хут пуш л'ета алэмысыт. Но нын пел'ангел'н
мунг атым номыс ант тайл'ув. Нын хол'на аит,
л'еваты, а мунг, хоты, сит Америкая ман'ув. А хун
ёхытл'ув, сиртны и ямыс л'ел'ув.

Йингк яньсьта сит шенгк л'ангхал'ув. Тур сорл'а.
Но и йингкев мунг шенгк потым — мет енгк.

Сора, сора полюс питл'!

Мунг шенгк туимсув. Ванкутл' вотл'увны пел-
таньсьл'ув. Ропитта л'авырташик йис, сам шенгк
сэнгкантл'. Мув ухтыны ропитты киньси нумын,
си киньси пал'нгыт нумпины, ропитта хув тахет

л'авырт. Нумын ёшны нёхтыта — сит иса па л'ант хири ал'ымл'ын.

Кена ул'ты пата, мунг ий тух поран кислородны л'ыл' рув тал'л'ув. Противогаз хорасып венш хорет л'умтыйл'ув, па этпынг л'ыпи эвыл'т турпа хуват л'ыл' рув тал'л'ув. Си онтасны ханнэхо шенгк яма сайкал'ыл'.

А мунг хоты карся нох этымысув — муv эвыл'т нял' километрая!

Муv иситы мунгев ант кал'л', л'ув пал'нгытны лап лангкман.

Беляков радиостанцияил'ны мол'ты тывыс. Л'ув Москва хул'мыта ант мошитл'.

Ма штурвал сая омыссым, самолёт тул'ем па ант пакман л'авыл'л'ем, хун полюса ёхытл'ув. Беляков ванкутл' приборл'ал' хатл' пел'и шашийл'ыл'е, туп пант эвыл'т ёврая антал' манта.

Ал'ынга морт нял' сёсны 19 июньны полюса ёхытсув. Шенгк карысьта мет-мол'ты уны енгк хар иты полюс кал'л'.

Иса приборыт и мотор яма ропитл'ыт.

Ил'н, енгк ухтыны, Папанин, Кренкель, Федоров па Ширшов омысл'ыт. Л'ыв хоты атэл'т ар хатл' сыйл'ы па потым енгкыт кутны ул'л'ыт. Л'ыв енгкел' ий тахины ант омысл', а иса палаткайл'ал' пил'ны ноптыйл'л'а. А папанинцыт ант пал'л'ыт. Ям, пал'-тапл'и советска ученыит-полярникыт! Л'ыв мунгев, лётчикыта, турым ол'ынгны ай павытл'ыт. Мунг



- 5/11 -

л'ыв лагерел' нумпины манл'ув. Но шенгк шал'ь,
л'ыв мунг сэмл'ув эвыл'т пал'нгытны лап лангк-
л'аит!

Ям ул'ым кет нангел'ын, пал'тапл'и папанинцыт!

Ям ул'ым л'ухыс ёх! Мунг пантэв ел'л'ы манл'...

Чкалов мет ай няврем амтыйл'ыл'. Л'ув няхыл',
ванкутл' самолёт пой эвыл'т ангкыртыйл', па енгк
сюрины восиртыйман, л'ув сэмнгыл' лап ханьл'ыл'е
сэм хор л'умытл' и йил'па енгк харет вантл'ыл'е.

Мунг амтыпсэв мунг си хоята китта вутсийл'-
сэв, хой мунгыт пал'тапл'ия па рома ул'та унл'тыс.

Товарищ Сталина мунг телеграмма ханшсув:

МОСКВА, КРЕМЛЬ, СТАЛИНА.

Полюс ёл'та хасис. Енгкыт нумпины ел'л'ы Аме-
рика манл'ув. Нанг партым верен верта ун каш
тайл'ув. Иса мунг ямынга ул'ув. Ям ул'ым.

Чкалов, Байдуков, Беляков.

Там телеграмма Москвая радио хуват китсэв.
Мунг тал'ынг хатл' и тал'ынг ат манл'ув, кимит
хатл'а керытсув.

АНТ ПУТЛЫТЫ ПОЛЮС НУМПИНЫ

Полюс па Америка кутны ул'ты тахи вохл'а
„Ант путлыты полюса“. Тата хол'на самолётыт ант
янгхсыт. Мунг, советска лётчикыт, мет ол'ынг ёха
манл'ув.

Нэмхоятны ант уты Арктика потым енгкыт нумпины орхынга манл'ув. Номсэв ям, кашинга ул'л'ув: Турым хорантыс. Кал'ыя-кал'ыя хатл' хутл'ыт. Сэм хор такл'и енгкыт пел'и вантты омаат антом, иси курымны сэмл'и питта мошитл'ын.

Хол'та ант ангкырмыл'ын, сот верстая енгкыт, енгкыт па енгкыт кал'л'ыт. Исат новыя кал'л' па суриил', туп енгк хулэт пивта кал'л'ыт.

Лакка нэмолаты л'ыл'ынг от антом. Хорамынг па пал'тапынг вантыпсы.

А муй питл', мунг моторев шукатл' ки и енгк хул ухтыя тал'л'ув ки? Сиртны уйман ул', сорма питл'ув...

Но ийкем па сыинг мотор марийты сый мунг пал'тапынг номысл'ув вошитл'ыл'е и мунг ант унл'тым тахет нумпины рома манл'ув. Ситы мол'ты кем сёс парыс. Но том ел'пыны мунг пал'нгыт касятсув. Л'ыв муv хосины ол'ынгтыйл'сыт и карся турым хария хунгхсыт. Пал'нгыт си морта мунгев нерата йисыт. Енгк л'ол'л'ыты йингкев па си хол'ас.

Пал'нгыт нумпия ал'мысты номыс версуv и л'ыв нумпел'ны манта сонтымысуv. Хатл' кутыпны самолёт муv эвыл'т хут километра вушны нумын ус. Ил'ампи мунгыт ил'та нэмолаты сирны ант касятл'ен. Но пал'нгыт мунг киньсянgev па карысьны л'ол'ьл'ит. Л'ыл' тал'ты руv ант тармыл'.



САМОЛЁТ ПАЛ'НГЫТ КҮТНЫ

Ювол'ынгны ошинга йис, пал'нгыт мухты манта мунг ант мошитл'ув. Л'ыв йил'па мунгыт лап лангк-сыт. Там пуш самолёт мет ёнтот иты тахийл'л'а. Ма вурана л'увыт пайты катл'та алэмыл'л'ым. Ситы тал'ынг сёс мансув.

Ил'н новы сорт кал'ымтыс. Пал'нгыт вата иты тохнэмысыт. Мунг мол'ты сир пухыр касятсув. Но ий минута па ант парыс л'ув паси пентыс. Си артны самолёт ел'пи пелык эвыл'т роман мол'ты тырсым-тыс. Самолёт ел'пи ишни иси пул'янг кул' енгкны потымса. Сит мотор йингкыл' ким шошемыс, и л'ув шенгк иськи ухтыны иси курымны сив потымса. Шаншем эвыл'т мет потым йингкны шошемысаим. Ма иса юремны увемысым, туп ат манэм кеши мал'ыт. Чкалов ун пасты кеши мас. Пунгыл' ишни мухты ма ёшем лукемысэм и енгк шупа сэвырмысэм. Ишнины новы хул тывыс, матот мухты манэм йил'па мотор кал'л'а питыс.

Ий-я, муйл'ап шок! Мотор нумпины л'ол'им прибор памтыс, что моторны йингк иса антом. А йингк такл'и мунг моторев и сёс мар па ропитта ант мошитл' — шукатл'. Си-си и мунг мет-мол'ты пушканны эсл'ым маркынг вой иты ил'и манл'ув.

— Йингк, йингк мияты, моторев си шукатл'! — увемысым ма Чкалова.

Чкалов бак хоси наптыс, хота сопасынг йингк

ус па яха Беляков пил'ны л'увыт вантыйл'та
питсэл'ын.

Тата, бак л'ипины, йингк антом, а енгк ус. Хол'ся
йингк вута? Том резинова хирины яньсъты йингк.
Но л'ув па енгка йис. Па хиретны иси вер. Беляков
резина пелыка васъл', енгки хир шукатл' и амыт-
ман вантл'ыл'е, что л'ипел'ны хол'на шимыл'
йингк ул'л'.

Валерий па Саша иса хасим йингк сапас бака
шошимсангын па амытман манэм увытсангын:

— Йингк ул'л'!

Ма насосны нёхал'тыта питсым. Сора мотор
хоси йингк манта питыс. Прибор ал'ис,' интам иса
ям — мотор ропитта питл'.

Ма л'авл'ысыйл'ман мотор иса юрл'ны эсл'сэм.
Л'ув иситы туса и яма ропитта питыс...

Хул'ым сёс шокасьмев ювпины, пал'ынг мен-
мантыс, и мунг систам этыр турым хария этсув.

Ил'н уны пухыр ювпины хасис. Па ар пивты
ай пухыр пай кал'л'. А л'ыв лаккангет иса енгкны
лап л'евыл'ман.

Беляков карта па хатл' посны оша версыл'е, мунг
Бенкс пухыр нумпины манл'ув. Пухыр пай шенгк
уны, юремытны па ёханытны хирман. Юремытны —
л'оньсь, ёханытны — енгк. Пухыр хоннгыт карсит
па шомаит.

Мунг па ил'ишик эсл'ыссув. Ям тамкем ай кар-
сятыны манта! Кабина ишни кимпины иськи хасьпа



иса антом. Самолёт л'ипины хошим. Л'ыл' тал'ып-сы ям. Кашев ям. Си киньси л'ета л'ангхамысув.

Ма Беляков партсэм пант л'етот хир манэм мата. Там сюськурек, там нёхи, там ветчина, там апельсинаит, яблокаит па шоколад. Л'ыв мухты потсаит. Валерия па Сашая масым и сам эпл'ынг потым яблокаит л'ета питсым. Пенгкыт потл'аит и унтырны яма потл'итл'. Сял'та апельсина нох вусым л'ыв ий пуша потсаит и туп кабина хошмытыты турпа ухтыны нох л'ол'асыт. Чкалов там л'етота ант кашасис. Л'ув иса пант хуват нэмол'ты ант л'ес. Беляков ий апельсин л'ес, а ма хасим отыт хол'тысл'ам. Си морта такамсаюв испанска апельсинытны! Кат хатл' па кат ат мар там туп кими пуш л'есув.

ЁХЫТСУВ

Москваны л'апыт сёс етн ус, хун мунг, 19 июньны, ювол'ынгны, Америка хонинга ёхытсув. Ура! Ура! Велика Сталин партым вер хол' версэв. Тами каш па юр мунгев мал'! Па аршик от верта л'ангхал'ув, ат л'ул'ын мирев па Сталинэв лопсангын: „Ну и ям апрынг нявремыт!“

Нэмхоятны ант вантым тахет хуват мунг мет сыры ол'ынгны мансув, хотя мунг ел'певны нэмхоят ант ус.

Интам ол'ынгтыйл'сыт вантыйл'ым тахет. Мунг

шенгк хувын Москвая ай ант павтыйл'сув, хотсат мунг верл'ув манл'ыт. Ма телеграмма ханшсым:

СТАЛИНА, ВОРОШИЛОВА, КАГАНОВИЧА, МУНГ МАНТЫ ВЕРЕВ
ТУНГМАТТЫ ШТАБА.

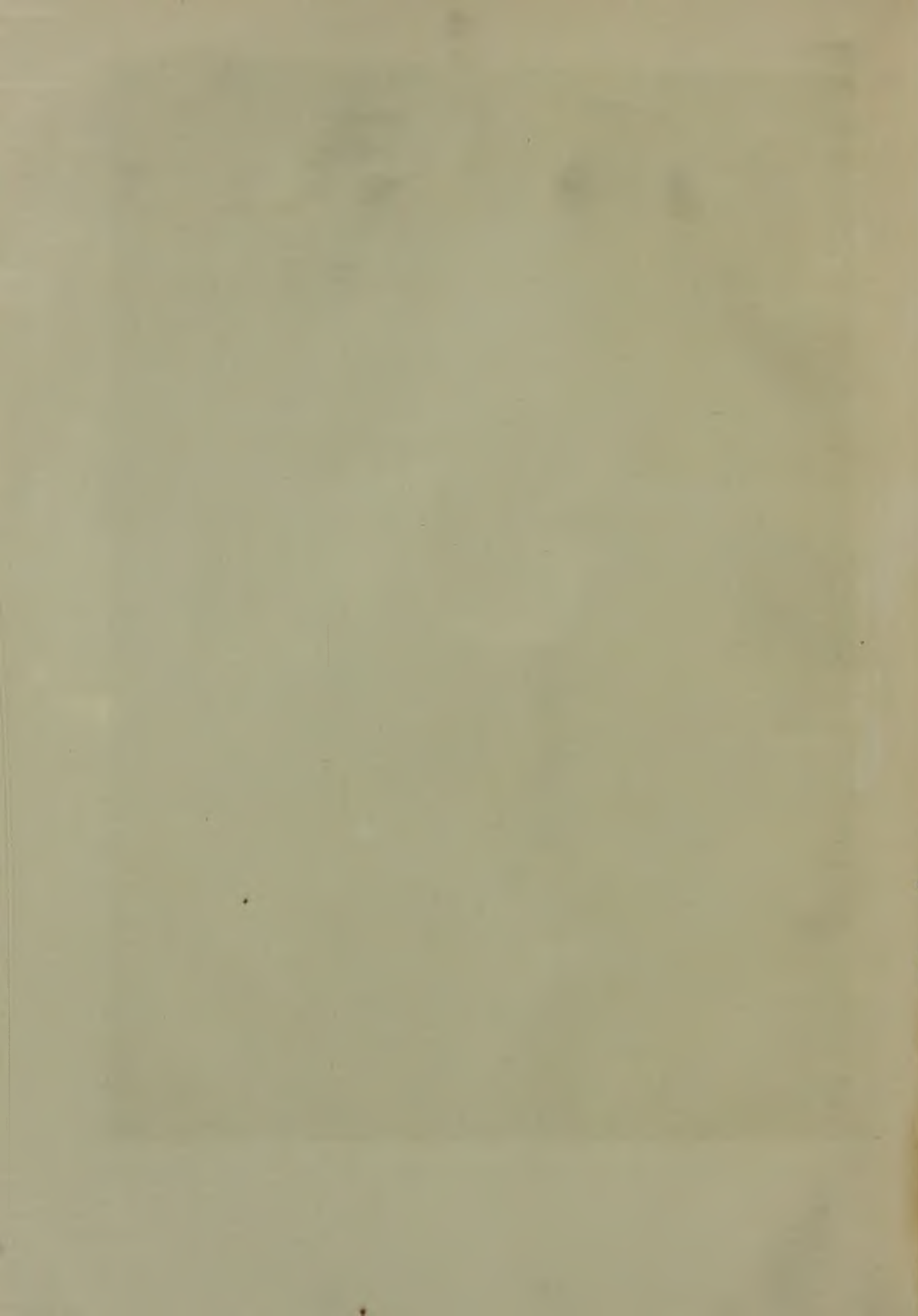
Ма ул'ем, нын шенгк мунг ол'нгевны нумыс-
л'ыты. Но оша вуял'н, мунг ар тайсув л'авырта манти
сёс. Интам мунг еша осашикыт. Турым ям. Иса ямы-
нгыт, иса мунг кашасьл'ув, ат яма манл'ыт нын
верл'ын. Пумасина мал'ым иса верл'ын пата и ны-
ныт вохл'ым шенгк ант нумысаты мунг ол'нгевны. Л'а-
вырт тахи мансэв и мунг правительствоев на мунг
мирев партым вер вермев пата ин амтыл'ыйл'ув. Ям
ул'ым.

Байдуков.

Иса тами радио хуват Америка радиостанция-
ита китсэв. А л'ыв Москвая китл'ел'.

Ма шенгк туимсым. Рутсита мосл', сора Чка-
лов пелытты арт ёхытл'. Ухем пасан ухтыя пон-
ман, ма омысман, мангынмысым. Ма курнгыл'ам
хоси, хот-харны, Саша хол'на ол'л'. Сыинг
шухты сыйны нох куритсаим. Там Чкалов пел-
тыпсы вохыл'. Беляков нох куритл'ем. Дежурст-
ваем л'увел' мал'ем, а сам ма штурвала манл'ым.
Ма л'ухыс иты Валерий л'ангкырл' эвыл'т по-
хл'атыл'ем и мин амытмемын эвыл'т нют ёт
ёшл'ымын пасиртл'ымын. Л'ув сэмнгыт вурны хо-
вытсайнгын, но сэм кевнгыл' кашингнгын. Л'ув
ма шаншэм сая ол'ыс. Хоты ям штурвал' хосьны
омыста, хун ул'ен туп иса муй мунг верл'ув, ан-





том па туп мунгыт амтыпл'ыт, но и иса мунг велика мирев.

Етнота уны мувенг американска ёхан Мекензи шивал'ысув. Ёхан лакка ар нюрм па л'ор.

Москваны хувын л'унг, тата тови туп иньси ол'ынгтыс. Нюрым мув, нэмоп'тыны ант энымты мув, востыя хатсим хорасып. Юхны ант энымл'а и карымсы па ант таил'.

Сора Америка карысь па марсям репыт кал'сыт. Л'ыв ух патл'ал'ны л'оньсь па енгк ол'л'.

Турым йил'па шакта питыс. Репыт пал'нгытны лангксаит. Шенгк нёхал'тыта питсаюв. Самолёт так воздушна хоипсэт пакыл'.

Марыкнгын шухман торыйл'ынгын. Карсяшик вуратта мосл', па сирны мол'ты реп шипа хойл'ын.

Ун карысь эвыл'т кабинаны иськия йис. Л'ыл' тал'та л'авырт, иса кислородна маскаит л'умытсув.

Пал'тапынг репыт эвыл'т мунг ямса пелыка каремысув. Етнота пал'нгыт эвыл'т этсув. Ил'н мунг Тихой океан (тэвын сёрыс) этымыты хумпыт шивал'сув. Хонынг хуват манл'ув.

Кат хатл' па кат ат мар манл'ув.

„Интам Москваны ат кутл'ып, — ма нумысл'ым, — кремлевска сёс „Интернационал“ нэрл'. А тата, океан нумпины, туп-туп патлыта питыс“.

Чкалов верытыс. Л'ув яма ниньсис и интам манэм иси вера вуянта партл'. Ма туимман, ол'ты хири ухтыя керийсым па иси курымны воимсаим.

Ил'та пал'нгыт этымыл'ыт па патлам кутны самолёт хоси л'омесл'ыт. Мув па йингк ант кал'л'. Хатл' хол'ты пел'и репыт сая пентыс.

— Георгий, кил'а, кил'а! — ол'ым мухты манэм сясьл', па Чкалов юринг ёш ма ухтэмны хул'л'ем. Нох навырмысым. Кабинаны тут л'ел'. Ол'ым соха хув оша верта ант мошитл'ем, хотя ма ул'л'ым. Сёс пел'и вантл'ым. Туп нивыл' сёс ал'ынг Москва пора сирны. А тата пул'янг ата питыс. Хоты ось-хося мир верман!

Мунг хосевны, Советска Союзны, ал'ынг, а американцыт хоси — ат.

— Омса, вуюнта штурвала!

Ма лётчик омысты тахия л'онгл'ым и там пал'нгыт энгкыртыл'ам. Нум мув патлам ат питыс. Хатл' ар пуш мунгев нётыс, и интам л'ув кат сутка мар вел'си сэм эвыл'т пентыс. Шенгк шал'ь. Хоты и хатл'а па рутсита мосл'!

Ат кутл'ыпны пал'нгыт сай эвыл'т селвох тылысь кал'ымтыс, но сора и л'ув хол'ты пел'и ил'и эсл'ысыс.

Патлама йис, мет-мол'ты ил' хот л'ипины. Там атны пал'нгыт кутны па Тихоокеанска йингкыт нумпины манэм штурвалны атэл'т омыста пал'тапа йис.

Но л'авырт минутаитны ма нумыл'мысэм, хотысат Сталин нуптыл' хуват нэмхунты нэмхоят эвыл'т ант пал'л' па хотсат л'ув ийвол'апа нох

питл'. Л'ув нявлык сэмнгыл' нумыл'мыйл'ыл'ам
и иси пул'янг пал'тапем па туймыпсэм ёремысэм.

Патлам кутны сыинга родинаем ол'ынгны ари
аремысым. Но кабинаев ишни сайны пол'ым вот
шовынг сыйны ма ари совем лап тусы.

Нова йита ел'пины Чкалов па Беляков нох ве-
рытсынгын.

Иса мунг номысл'ув ямыт. Туп Саша Беляков
шенгк американцаит пел'и л'ыкасис: л'ыв радио
хуват л'ыв яснгел'ны потыртл'ыт, а Беляков л'ыв
яснгел' ант уттэ (войтл'ыл'е).

Пува пелык эвыл'т, тота хувын ил'н, океанска
тутынг хоп тутыт ипламсыт. Мунг муv пел'и ка-
ремысуv. Хатл' ангкырмыс. Интам уны и ант уты
Америка вошит туса кал'л'ыт.

Репынг тахи вутынг ёхан юремытны эвыл'ман.
Шенгк уны ерта йис.

АМЕРИКА

Мунг л'унгытсэв, муйкем порая бензинэв тар-
мыл'. Мунг шокева, л'ув шимыл'.

Мунг ертынг пал'нгыт кута л'онгсуv. Ерт тюк
па лунси. Шал'ь туп, муv хол' харымтыс. Осьхось
хоты па хоят вошит вантта. Пора манл'. Мунг ий
ел'л'ы американска муv нумпины манл'ув.

Но там пос маты прибор постыс, что ил'
гал'та мосл'. Бензин хасыпа иса воньсяла йис.

Мунг хол'на па ел'л'ы манта л'ангхал'сув куш. Но хоты верл'ен — ил' эстыста мосл'. Кашл'и ил'л'и мув хоси манл'ув. Пал'нгыт хол'асыт и мунг вул'ынг ёхан нумпины кал'ымсув. Ванны вош кал'ыс. Мунг л'увыт вантысэв. Сютэвл'т там Портланд вош. Тата атым шивынг турым ус.

Тэтта-тэтта, хот л'онгл'ыт нумпи эвыл'т мансув, си унта, хун ант уитсув татты тахи, хота самолётыт омысл'ыт.

Татты хар туса вантман, туса мува эсл'ыссув.

Американцыт хувын л'авыл'сыт самолёт, матот пойнгын хосины ханшман ус: „Сталинска маршрут“. Ар мир есял'т хухытл'. Иса ёшл'ал'ны ревийл'ыт. Но муй л'ыв увл'ыт, мунг ант утэв (войтл'ев). Л'ыв л'ыви ясынгны потыртл'ыт.

Ма моторем вол'ытсэм. Пропеллер кашинг па юрынг марынг сый вол'иис. Шийтама-шийтама йис. Ма люк пушсэм и самолёт эвыл'т ким эсл'ымсым.

Курнгыл'ам ил'пины — американска мув. Интам ошинг, мунг вождев Иосиф Виссарионович Сталин партым вер мунг тал'ангты хол' версэв.

Европа и Америка кутны Арктика эл'ты манти пант советска лётчикытны пушса.

Ма няхиил'ты пил'хойнгыл'ам пел'и вантл'ым. Л'ын хул'ым сутка мар ропитман, шенгк туимсанын, но сэмл'ынны амтыпсы хул'л'ыт. Мунг кутл'ув



кутл'увны апыттй'л'суб, мосл'тй'л'суб, хо хоев победаны поздравитсэв.

Портланд эвыл'т мунг радио на телефон хуват Москва пил'ны потыртсуб.

Пуртыпсэт хол'амым ол'ынгны ай павыл'суб. Москва Сталин нэм эвыл'т мунгыт поздравитыс.

МОСКВАЯ!

Мунг л'анхамысуб мол'ты вурны сорашик Москвая керытта. Но хоты верл'ен, нох си вол'ийл'суб. Америка вошитны — Сан-Францисконы и Нью-Йоркны, па Парижны — Франция столицаны. Иса тахетны ар мирынг хунсянтыпсэт усыт.

Но сора, сора Советска Союз! Муй л'уват амгыпсы, тынынг родинаева ёхл'и ёхытта!

Мет граница эвыл'т Москва унта кашинг станцияны поезд ар сёрыс советска гражданытны л'авыл'са. Мунг вагонэв цветокытны тэл' л'евытса.

Мунг турты питсуб ванкутл' потыртты эвыл'т.

Москвая си ёхытсуб. Миллионит москвичит мунгыт хуньл'ита этсыт.

Иса вош хуват мунг мансуб, мет мунг мирев тынынг нявремыт. Кремль пел'и манл'ев сат, мунг цветокытны па вуся верты нэпекытны лап тэм-саюв.

Иса Москва мунг пил'евны вуся верыс. Кремль-
ны мунг товарищ Сталинны и иса правительст-
воны хуньсисаюв. Иосиф Виссарионович Сталин
мунгыт апытл'ыл'е, мет-мол'ты ротна похл'ал'.

Тами мет тының мойл'ыпсы ус!



ЧЕРЕЗ ПОЛЮС В АМЕРИКУ

О СЕБЕ

Мальчиком я не мечтал об авиации. В то время совершались только первые полеты, и на полустанке Сибирской железной дороги, где жила наша семья, об этих полетах не слышал никто.

Отец мой был рабочим по ремонту пути. Мать мыла полы в чужих квартирах. А мы с братом носились по полям и лесам и присматривали за нашей коровой Бурянкой.

Так прожил я до восьми лет. Пришло время учиться, но там, где мы жили, школы не было. И вот я надолго оторвался от своей матери, которую так крепко любил. Отец определил меня в школу на станции Чаны. Учиться мне было легко, и оставалось много свободного времени.

Тихая жизнь станции мне надоела, я решил поглядеть на незнакомые города. Три года я скитался. Много раз поступал в школы, чтобы как-нибудь закончить начальное образование, но каждый раз меня исключали за баловство.

Совсем еще мальчиком я испробовал тяжелый физический труд. Работал я и чернорабочим и кровельщиком. Когда произошла Великая пролетарская революция, подростков снимали с тяжелой работы, и меня направили в профессиональную школу. В то время мне было уже пятнадцать лет. Я прилежно начал учиться и через четыре года знал слесарное, токарное, столярное и кузнечное ремесла, знал математику и физику.

Когда нашей стране потребовались грамотные и сильные молодые пилоты, я записался добровольцем в ряды Красной армии и стал учиться в лётной школе. Был я тогда еще упрямый, недисциплинированный, и много сил затратили командиры, чтобы сделать из меня хорошего летчика, сознательного гражданина и бойца своей родины. За это я им очень благодарен.

Теперь, когда я исколесил полмира, видел много стран, морей и океанов, я, вспоминая свое суровое детство, думаю: что бы я делал, если бы не было советской власти?.. Наверное, остался бы кровельщиком.

Больше восьми лет я проработал летчиком в разных отрядах воздушных сил и только после этого начал мечтать о больших воздушных путешествиях. Мне хотелось летать там, где никто еще не летал.

И вот в 1936 году наша тройка летчиков — Чкалов, Беляков и я — пролетела по Сталинскому маршруту, через суровые части нашей Советской Арктики и через горы Якутии.

А в 1937 году товарищ Сталин разрешил нам полет через Северный полюс в Америку.

Для нашего перелета был изготовлен большой самолет с хорошим советским мотором. Мы хорошо научились летать на нем, изучили все приборы.

О погоде на полюсе сообщил нам Папанин, который со своими храбрыми товарищами жил в то время на дрейфующей льдине.

В этой книге я и расскажу вам, ребята, как мы летели через Северный полюс в Америку.

Г. Байдуков.

ВЗЛЁТ

Сейчас мы полетим в далекий и опасный путь. Все тепло оделись, попили чаю и поехали на аэродром.

Начало рассветать. Ветра нет. Прохладно. От леса надвигается низкая пелена утреннего тумана.

Первый час ночи 18 июня. Пора на самолет!

На взлетной дорожке стоит наша металлическая птица.

Собралось очень много провожающих. Большинство волнуется, у некоторых показываются слезы на глазах.

Мы лезем в кабину и окончательно укладываем ружья, патроны, лыжи, часы, измерители ветра, банки консервов и много других вещей.

Наконец, все готово. Уже из кабины пожимаем десятки дружеских рук. Многие, подставив лестницу, поднимаются к нам, крепко обнимают и целуют на прощание. Наконец, Валерий Чкалов уселся на свое место за управление. Я сел за его спиной. Саша Беляков закрыл входной люк. В боковые окошечки самолета было видно, как люди отходят в сторону. Стартер взмахнул белым флажком, вверх взвилась сигнальная ракета — и самолет тронулся. Мотор ревет изо всех сил. Самолет все быстрее и быстрее бежит вперед по дорожке. Затем прыжок — и мы повисли в воздухе.

Мелькают дымящиеся трубы заводов Щелкова. Аэродром остался позади. Прощай, Москва! Ну, вот мы и полетели в Америку через полюс!

В КАБИНЕ САМОЛЕТА

У каждого из нас есть много дел и обязанностей.

Чкалов должен восемь часов управлять самолетом.

Я должен четыре часа указывать курс самолету, следить, чтобы летели прямо к полюсу, и вести переговоры по радио.

Беляков первое время будет отдыхать. Пройдет время, Чкалов устанет, и тогда я его сменю. Беляков займется разговорами по радио и будет указывать направление самолета. Так, сменяя друг друга, мы и будем лететь.

В лощинах проплывающей местности — густые туманы. Чкалов в кепке и кожаной куртке кажется не летчиком, а шофером, который собрался прокатить нас за город. Он спокоен и все время заглядывает вниз.

Саша Беляков спит на масляном баке, подстелив под себя меховой спальный мешок. Его длинные ноги не умещаются на баке, они тянутся далеко за радиостанцию. Неуклюжие меховые сапоги смешно пошевеливаются, словно две мохнатые собачки.

По радио я передаю в Москву, как у нас работает мотор и где мы летим.

В кабине слышится непрерывный гул мотора. Советский мотор работает без перебоев, мы хвалим своих рабочих и механиков.

Справа встает солнце. Оно проникает к нам через стекла кабины и сильно слепит глаза. Надеваю синие очки.

Время идет. Самолет быстро летит на север. Сейчас под нами много-много озер. Они большие, но из окна самолета кажутся маленькими — не больше тарелки. Впереди появились высокие перистые облака.

Нас долго сопровождали два самолета. Сейчас они поворачивают назад. Летчики машут нам из кабин и затем скрываются из виду. Становится немного грустно. Но наш краснокрылый гигант уверенно продолжает полет на север.

Мы постепенно забираемся все выше и выше.

Я часто измеряю приборами направление ветра, делаю вычисления правильности пути, или, как летчики говорят, вычисляю

курс. Все это записываю в красный журнал. А когда подходит время слушать радио, я надеваю наушники и настраиваюсь на Москву. Из Москвы нам дают знать, какая впереди погода. Часто спрашивают, как идут у нас дела. Для радио у нас другой журнал — синий. Туда мы записываем все разговоры с Москвой. Все, что я вижу, — все записываю в свой дневник. Когда кончится полет, у меня будет готова книга. Ее прочтут и ребята. Ведь им интересно знать о нашем полете.

Незаметно прошло полдня. Беляков проснулся, и я сдаю ему свое дежурство. Он аккуратно принимает от меня все приборы и книги.

Я пробираюсь к спальному месту, где только что отдыхал Беляков. Разгладив меховую подстилку, я ложусь спать за спиной Валерия.

ПЕРВАЯ ТРЕВОГА

Но поспать мне не удалось. Вскоре Беляков поднял тревогу. Он разбудил меня, стащив за ногу с удобной постели.

— Масло откуда-то бьет, — сказал Саша, указывая на пол.

Действительно, пол кабины был залит авиационным маслом. Я быстро пробрался к Чкалову и на ухо стал кричать о случившемся. Чкалов посмотрел на меня встревоженными глазами и взволнованным голосом закричал:

— Скорей ищи неисправность!

Все мы были встревожены. Опасные минуты! Ведь если уйдет все масло, то мотор обязательно остановится. Если мотор не будет работать, самолет потянет к земле, и мы не долетим до Америки. Мы не долетим до полюса... Мы не выполним задания любимого Сталина...

А Сталину мы дали клятву, и он надеется на нас.

Пересилив свое волнение, мы начали спокойно искать причину утечки масла. Откачали насосом масло из моторного бака в другой, запасной, вытерли несколько раз масло, появлявшееся в кабине. Тряпок у нас не было. Пришлось изрезать резиновые мешки, где находилось наше питание. Через несколько часов работы все же

нашли причину и устранили ее. Оказывается, мы накачали слишком много масла, и этот излишек выбивало из моторного бака.

Так вышли из первой беды.

САМОЛЕТ ПОКРЫВАЕТСЯ ЛЬДОМ

Я спал крепким сном. В десять часов вечера меня разбудили. Как мне не хотелось просыпаться! Но Чкалов, мастерски совершив взлет, отсидел за рулем восемь часов и устал. Надо его сменить.

Я поговорил с Беляковым. Убедившись, что путь мы держим правильно, я полез на первое сиденье. Сменяться нам трудно — нужно проскальзывать рыбкой в тесной кабине, лезть боком, съезжившись.

Когда я поставил ноги на управление, Валерий что-то прокричал мне, но из-за шума мотора я ничего не разобрал. Валерий уполз назад. Я внимательно осмотрел десятки приборов и начал управлять самолетом.

Огляделся кругом. Оказывается, мы летим между двумя слоями облаков, которые вот-вот соединятся. Как будто не летим, а падаем в ущелье.

Самолет, сильно перегруженный, не может взлететь высоко. А нам хотелось, чтобы самолет мог всегда лететь выше облаков. Облака, которые плывут по небу, не так уж безобидны. Часто бывает, что самолет, залезая в эти белоснежные пары, вылетает из них, весь покрытый льдом. А если лед будет толстый, то самолет потяжелеет и снизится раньше времени или даже упадет и разобьется о землю. Таких облаков летчики боятся. Их нужно облетать. Можно облететь поверху, можно обойти их стороной или снизу. Но угадать заранее, обледенеешь или не обледенеешь в облаках, очень трудно.

Правда, есть облака, в которых можно лететь хоть целый день, и ничего не случится. Только нужно уметь летать вслепую. Птицы не могут летать, когда не видят земли. Если голубю закрыть глаза, он никуда не улетит.

А летчик в тумане или в облаках может летать. Он не видит ни земли, ни неба, но при помощи особых приборов знает, в каком положении находится самолет.

Слепой полет — моя специальность, и обязанность летать в облаках приходилась на мою долю. Как только наступал слепой полет, Чкалов уступал мне сиденье летчика. Так было условлено между нами еще раньше.

Теперь, когда я увидел, что кругом нас облака, мне стало понятно, о чем кричал Валерий, когда я садился за штурвал.

Взглянул на термометр — он показывает холод. Это плохой признак: в облаках можно ждать обледенения.

Самолет начало сильно покачивать. В кабине почувствовалась сырость. Земли совсем не видно. Она закрыта облаками. И солнце спряталось где-то за тучами.

Вот белизна водяных паров окутала крылья, и я вижу кругом белый пар. Удерживаю самолет только по приборам. Какие умные и хитрые эти приборы! Десятки стрелок указывают всю работу самолета.

Так шли минуты напряженного полета. Вдруг я заметил, что стекла передней кабины затягиваются слоем льда. Красные крылья стали белеть. Послышались удары, и самолет затрясло как в лихорадке. Значит, обледенение сильное и очень опасное. Нужно срочно счистить лед с винта, иначе далеко не улетишь.

Я крикнул во все горло:

— Валерий!

Чкалов, с покрасневшими от усталости глазами, встревоженный, быстро подлез ко мне.

— Давай подкачивай жидкость на винт!

— Сейчас! — так же громко ответил мне Валерий.

Он быстро спустился с бака и начал качать насосом.

Струя особой жидкости, как из душа, обмывала металлический винт, счищая с него лед. Самолет стал спокойнее. Удары уменьшились.

Вот это были тяжелые минуты! У Чкалова, вероятно, прибавилось еще несколько седых волос.

Я понял: если мы пробудем еще немного в этих облаках,

самолет разлетится на куски или сядет, перегруженный льдом, раньше времени на воду или на ледяную скалу.

Скорее вырваться из объятий обледенения! Выше, выше! Я дал полную силу мотору и стал забираться вверх. Самолет медленно берет метр за метром.

Слева начали пробиваться тусклые лучи солнца — значит, конец облачности близок. Через минуту появилось солнце, и мы, такие же сияющие и веселые, как его лучи, с гордостью посматривали на оставшиеся внизу облака.

Я с облегчением вздохнул и поглядел через плечо на Валерия. Он пережил немало и теперь, как-то по серьезному улыбнувшись, стал кутаться потеплее в спальный мешок.

Под солнцем быстро очистились ото льда стекла моей кабины. Облака, через которые мы пробились, остались где-то далеко внизу.

На минуту внизу засинело море. Одинокий пароход дымил трубами, проплывая под нами.

Я думаю о том, видели ли нас с парохода. Наверное, нет. Но гул мотора слышали наверняка, и уж, конечно, сообщили об этом в Москву по радио. Наверно, и Сталину сообщили, что мы летим хорошо. Он волнуется больше всех — я в этом уверен. Ведь он любит весь народ, любит летчиков и следит за всеми, всех ободряет.

Мне становится приятно и тепло от этих мыслей.

ЧУТЬ НЕ ЗАБЛУДИЛИСЬ

Время летит быстро. Незаметно подошел срок смены. Поворачиваюсь назад и рукой тормошу уснувшего друга. Чкалов протирает глаза. Вскоре я ему отдаю штурвал, а сам иду к Белякову. Беляков сидит за своим столиком расстроенный. У него сломался важный прибор. Этот прибор определяет по солнцу, как мы держим путь. Если этого прибора нет, то легко заблудиться.

Под ногами виднеются все те же облака. Они весь день закрывают от нас землю, и мы не знаем, куда залетели.

Беляков, устало наклонив голову, силится принять обрывки телеграфных звуков по радио. Его губы посинели, на лице появились морщины — он очень устал.

Я предложил ему отдохнуть, а сам сел на его место. Со свежей головой мне вскоре удалось исправить поломавшийся прибор. Какая радость! Теперь мы полетим прямо через полюс в Америку.

Тут же передал по радио в Москву последние сведения.

Я взглянул на часы. Они показывают одиннадцать часов вечера. В Москве уже темно, и все укладываются спать. Наверно, и моя маленькая дочь Эмма уже видит во сне петушка или медвежонка. А здесь, среди Ледовитого океана, летом нет ночи, и солнце светит, не закатываясь, с мая по сентябрь, много суток подряд. Солнце никак не налюбуется на далекие просторы ледяных полей. Но зато уж зимой солнце не выглядывает полгода.

ПОЛЮС

В лоб дует сильный ветер и здорово нас задерживает. Мы летим целые сутки. В Москве люди уже выспались и спешат на работу. А мы еще не добрались до полюса. Время идет медленно. Кажется, что летим целый месяц. Это от усталости. Наверное, утомила большая высота полета.

За все время закусывали только раз. Да и съели-то всего по бутерброду с ветчиной. А московские ребята за это время успели поесть не меньше, чем шесть раз. Но мы вам не завидуем. Вы еще маленькие — кушайте, зато в Америку летим мы. А когда прилетим, то и покушаем как следует.

Вот пить хочется ужасно! Горло пересыхает. Но вода у нас холодная — как лед.

Скоро, скоро будет полюс!

Мы здорово утомились. Часто меняемся местами. Работать стало труднее — сильно бьется сердце. Ведь работа на земле куда легче, чем в воздухе, да еще над облаками. Двинуть рукой на высоте — это все равно, что поднять мешок зерна. Чтобы было легче, мы иногда дышим кислородом. Надеваем маски, как про-

тивогаз, и вдыхаем ртом через трубку кислород из металлической бутылки. Это здорово освежает человека.

А забрались мы все-таки высоко — четыре километра над землей.

Земли мы попрежнему не видим, она закрыта облаками.

У Белякова что-то случилось с радиостанцией. Он никак не расслышит Москвы.

Я сижу за штурвалом, веду самолет и жду с нетерпением, когда будет полюс. Беляков часто направляет приборы на солнце, чтобы не сбиться с пути.

Ровно в четыре часа утра 19 июня подлетели к полюсу. С огромной высоты полюс выглядит, как гигантская ледяная пустыня.

Все приборы и мотор работают хорошо.

Внизу на льдине сидят Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов. Они уже много дней живут одни среди молчаливых и суровых льдов; их льдина не стоит на одном месте, а движется вместе со всеми палатками. А папанинцы не боятся. Хорошие, храбрые советские ученые-полярники! Они сообщают погоду нам, летчикам.

Мы проходим над их лагерем. Но как жалко, что облака закрывают их от наших глаз!

Привет вам, отважные папанинцы! До свиданья, товарищи! Наш путь идет дальше...

Чкалов радуется, как ребенок. Он смеется, часто выглядывает за борт и, ослепленный блеском льда, щурится, надевает очки и вновь оглядывает просторы льдов.

Своей радостью мы решили поделиться с тем, кто нас научил храбрости и спокойствию. Мы составили телеграмму товарищу Сталину:

МОСКВА, КРЕМЛЬ, СТАЛИНУ.

Полюс позади. Идем над льдинами дальше к Америке. Полны желанием выполнить ваше задание. Все чувствуем себя хорошо. Привет.

Чкалов, Байдуков, Беляков.

Эту телеграмму послали по радио в Москву. Мы летим уже день, ночь и еще день.

НАД ПОЛЮСОМ НЕПРИСТУПНОСТИ

Местность между полюсом и Америкой называют „полюсом неприступности“. Здесь еще не летали самолеты. Мы, советские летчики, летим впервые. С гордостью несемся над суровыми льдами неизвестной Арктики. Настроение бодрое и веселое. Погода улучшилась. Ярко-ярко светит солнце. Без очков нельзя смотреть на льды: можно в два счета ослепнуть.

Куда ни посмотришь, на сотни километров видны льды, льды и льды... Все белеет и блестит, чернеют лишь глубокие трещины.

Кругом — никакой жизни. Красивое и страшное зрелище!

А что, если у нас сломается мотор и мы сядем на трещину? Тогда наверняка погибнем...

Но ровный и сильный гул мотора разгоняет наши страшные мысли, и мы спокойно летим над неисследованными местами. Так прошло несколько часов. Но вот впереди мы заметили облака. Они начинались у земли и лезли высоко в небо. Как надоели нам облака! А тут и жидкость против образования льда уже кончилась.

Решили забраться выше облачности и пройти над ней.

В полдень самолет был на высоте шести с половиной километров над землей. Наверно, снизу нас никак не увидишь. Но облака еще выше нас. Воздуха для дыхания нехватает.

САМОЛЕТ В ОБЛАКАХ

Наконец стало ясно, что перелететь через облака мы не можем. Они вновь поглотили нас. На этот раз самолет швыряет, как игрушку. Я еле успеваю его выправлять. Так летим целый час. Дело плохо — опять нарастает лед на крыльях. Нужно уходить вниз. Убавляю силу мотора, и мы плавно скользим к земле.

Внизу появился просвет. Облака, как вата, разорвались. Мы увидели какой-то остров. Но не прошло и минуты, как он опять скрылся. В это время из передней части самолета что-то вдруг брызнуло. Переднее окно самолета сразу покрылось толстым слоем

льда. Значит, мотор выбросил воду, и она на морозе мгновенно замерзла.

Мурашки пробежали по спине. Я закричал во всю мочь, чтобы мне дали кинжал. Чкалов подал длинный и острый кинжал. Через боковое окно я просунул руку и срубил им кусочки льда. Получилось светлое окошечко, через которое я вновь увидел мотор. И — о, ужас! — прибор, стоящий над мотором, показывает, что в моторе нет больше воды. А без воды наш мотор не проработает и часа — сломается. Вот-вот — и мы безудержно пойдем вниз, как подстреленная птица.

— Воды, воды давайте, иначе сломается мотор! — закричал я Чкалову.

Чкалов бросился к баку с запасной водой и вместе с Беляковым стал осматривать его.

Там, в баке, были ледышки, но никак не вода. Где взять воды? Вон в резиновом мешке вода для питья. Но и она превратилась в лед. В других мешках то же самое. Беляков разрезает резину, раскалывает ледяную скорлупу и с радостью видит, что внутри еще есть немного жидкости.

Валерий и Саша слили все остатки воды в запасной бак и взволнованно закричали мне:

— Есть вода!

Я начал качать насосом. Вскоре к мотору пошла вода. Прибор показал, что теперь все в порядке — мотор будет работать.

Осторожно я дал полную силу мотору. Он вновь, как и раньше, стал работать ровно и четко.

Через три часа мучений облако разорвалось, и мы вылетели на чистое голубое небо.

Внизу медленно проплывает большой остров. Виднеются еще бесчисленные черные островки меньших размеров. А вокруг них все забито льдом.

При помощи солнца и карты Беляков установил, что мы летим над островом Бенкс. Остров очень большой, изрытый оврагами и речушками. В оврагах — снег, на речках — лед. Берега острова высокие и обрывистые.

Мы опустились еще ниже. Как хорошо быть на такой малой высоте! За окном кабины мороза почти нет. Внутри самолета тепло. Дыхание нормальное. Настроение веселое. Даже захотелось поесть.

Я попросил Беякова дать мешки с путевым питанием. Вот курица, вот мясо, вот ветчина, вот апельсины, яблоки и шоколад. Я выбираю розовые яблоки. Они промерзли насквозь. Даю Валерию и Саше и начинаю сам уплетать вкусное мороженое яблоко. Ломит зубы и приятно холодит внутри. Затем достал апельсины. Те совершенно промерзли и только на трубе отопления кабины оттаяли. Чкалов отказался от этого блюда. Он вообще ничего не ел всю дорогу. Беяков съел один апельсин, а я докончил остальные. Эх, как подкрепили испанские апельсинчики! За два дня и две ночи это только второй наш завтрак в пути.

ДОЛЕТЕЛИ

В Москве было семь часов вечера 19 июня, когда мы, наконец, подошли к берегам Америки. Ура! Ура! Задание великого Сталина выполнено. Это подбавляет бодрости и сил. Хочется сделать еще больше, чтобы наш народ и Сталин сказали: „Ну и молодцы ребята!“

Мы впервые пролетели над неизведанными местами, где еще не бывал до нас человек. Теперь начались исследованные места.

Мы очень давно не сообщали в Москву, как идут у нас дела.

Я составил телеграмму:

СТАЛИНУ, ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ, ШТАБУ ПЕРЕЛЕТА.

Я понимаю, что вы очень беспокоитесь. Но поймите, что у нас было много трудных часов полета. Теперь мы более свободны. Погода хорошая. Все здоровы. Передаю от экипажа наилучшие пожелания в ваших делах. Благодарю за все и прошу не беспокоиться. Трудное побороли и рады, что задание своего правительства и своего народа уже выполнили. Привет.

Байдуков.

Все это передал по радио на американские станции. А они передадут в Москву.

Я сильно устал. Следует отдохнуть, а то скоро нужно сменить Чкалова. Положив голову на столик, я задремал сидя. У моих ног на полу еще спит Саша. Разбудил резкий свисток. Это Чкалов просит смены. Бужу Беякова. Сдаю дежурство, а сам лезу к штурвалу. Я дружески похлопываю Валерия, и мы от радостижимаем друг другу руки. У него глаза налились кровью, но зрачки веселые и нежные. Он улегся за моей спиной. Как приятно сидеть за штурвалом, когда чувствуешь, что всё, что мы уже сделали, радует не только нас, но и весь великий народ.

К вечеру увидели большую и извилистую американскую реку Мекензи. Кругом реки много болот и разливов.

В Москве давно уже лето. А здесь весна только началась. Земля голая, безжизненная, коричневого оттенка. Ни леса, ни кустарника.

Вскоре появляются высокие и суровые горы Америки. На вершинах лежат снега и льды.

Погода вновь ухудшается. Горы закрылись облаками. Начинается сильная качка. Самолет испытывает воздушные удары. Крылья жалобно вздрагивают. Надо забираться выше, иначе ударишься о какую-нибудь скалу. От большой высоты в кабине стало морозить. Дышать трудно. Все надели кислородные маски.

Мы решили повернуть направо, подальше от опасных гор. К вечеру вышли из облаков. Внизу мы увидели бушующие волны Тихого океана.

Летим вдоль берега. Полет тянется уже два дня и две ночи.

„Сейчас в Москве полночь, — думаю я, — кремлевские часы играют „Интернационал“. А здесь, над океаном, только-только начинает темнеть“.

Чкалов проснулся. Он прекрасно отдохнул и теперь предлагает мне заняться тем же. Я, усталый, повалился на спальный мешок и сразу уснул.

Облачность постепенно поднимается снизу и из темноты подкрадывается к самолету. Земли и воды не видно. Солнце ушло куда-то за горы.

— Георгий, вставай, вставай! — слышу я сквозь сон и чувствую сильную руку Чкалова.

Вскакиваю на ноги. В кабине горят огни. Спросонья долго не понимаю, где же я нахожусь. Гляжу на часы. Всего восемь часов утра по московскому времени. А здесь наступила настоящая ночь. Как интересно устроен мир! У нас, в Советском Союзе, утро, а у американцев — ночь.

— Давай, садись за штурвал!

Я лезу за сиденье летчика и ругаю все эти облака. Наступила темная южная ночь. Солнце долго нас выручало, и теперь впервые за двое суток оно скрылось из глаз. Очень жалко. Но ведь и солнышку нужно отдохнуть! В полночь из-за туч выглянула серебристая луна. Но скоро и она куда-то опустилась вниз. Стало темно, как в погребе. Товарищи мои безмятежно спят. Мне в эту ночь в облаках и над водами Тихого океана показалось страшно сидеть одному за штурвалом.

Но в трудные минуты я вспомнил, как Сталин всю жизнь никогда никого не боится и как он всегда выходит победителем. Вспомнил его ласковые глаза и сразу забыл об усталости и страхе.

В темноте громко запел песню о моей родине. Но звуки песни глушил веселый свист ветра, пронесившегося за окнами кабины.

Перед рассветом проснулись Чкалов и Беляков.

Настроение у всех прекрасное. Только Саша Беляков очень обиделся на американцев — они ведут разговор по радио на своем языке, а Беляков их не понимает.

Слева, где-то далеко внизу, замелькали огни океанского парохода. Мы повернули к земле.

Выглянуло солнце. Теперь ясно видны большие и незнакомые города Америки. Гористая местность прорезается широкими долинами рек. Пошел сильный дождь.

АМЕРИКА

Мы подсчитали, на сколько времени хватит у нас бензина. К сожалению, его немного.

Мы влезли в дождевые тучи. Дождь густой и теплый. Жалко, что скрылась земля. Ведь интересно посмотреть чужие города. Время идет. Мы летим всё дальше над американской землей.

Но вот сигнальный прибор дал знать, что нужно садиться. Бензина почти нет. Всем нам хотелось лететь дальше и дальше. Но ничего не поделаешь — надо спускаться. Без особого желания пробиваемся вниз, к земле. Облачность кончилась, и мы оказались над широкой рекой. Рядом виднелся город. Мы его разглядели. Оказывается, это Портланд. Здесь была скверная, туманная погода.

Полетели низко-низко над крышами домов, пока не нашли места, где садятся самолеты.

Хорошенько разглядев посадочное поле, благополучно опустились на землю.

Самолет с надписью по бокам „Сталинский маршрут“ уже давно ожидали американцы. Много народу бежит навстречу. Все машут руками. Но что они кричат, мы не разбираем. Они говорят на своем языке.

Я выключаю мотор. Веселый и мощный гул пропеллера смолкает. Становится тихо-тихо. Я открываю люк и выпрыгиваю из самолета.

Под ногами — американская земля. Теперь ясно, что задание нашего вождя Иосифа Виссарионовича Сталина мы выполнили с честью. Дорога, соединяющая Старый и Новый Свет через суровую Арктику, открыта советскими летчиками.

Я гляжу на улыбающихся товарищей. Они после трех суток работы очень устали, но в глазах их светится радость. Мы обнимаем друг друга, целуемся и поздравляем себя с победой.

Из Портланда мы разговаривали по радио и по телефону с Москвой. Доложили о конце полета. Москва нас поздравила от имени товарища Сталина.

В МОСКВУ!

Нам хотелось как можно скорее возвратиться в Москву. Но поневоле приходилось останавливаться в городах Америки — Сан-

Франциско и Нью-Йорке, и в Париже — столице Франции. Везде были многолюдные встречи.

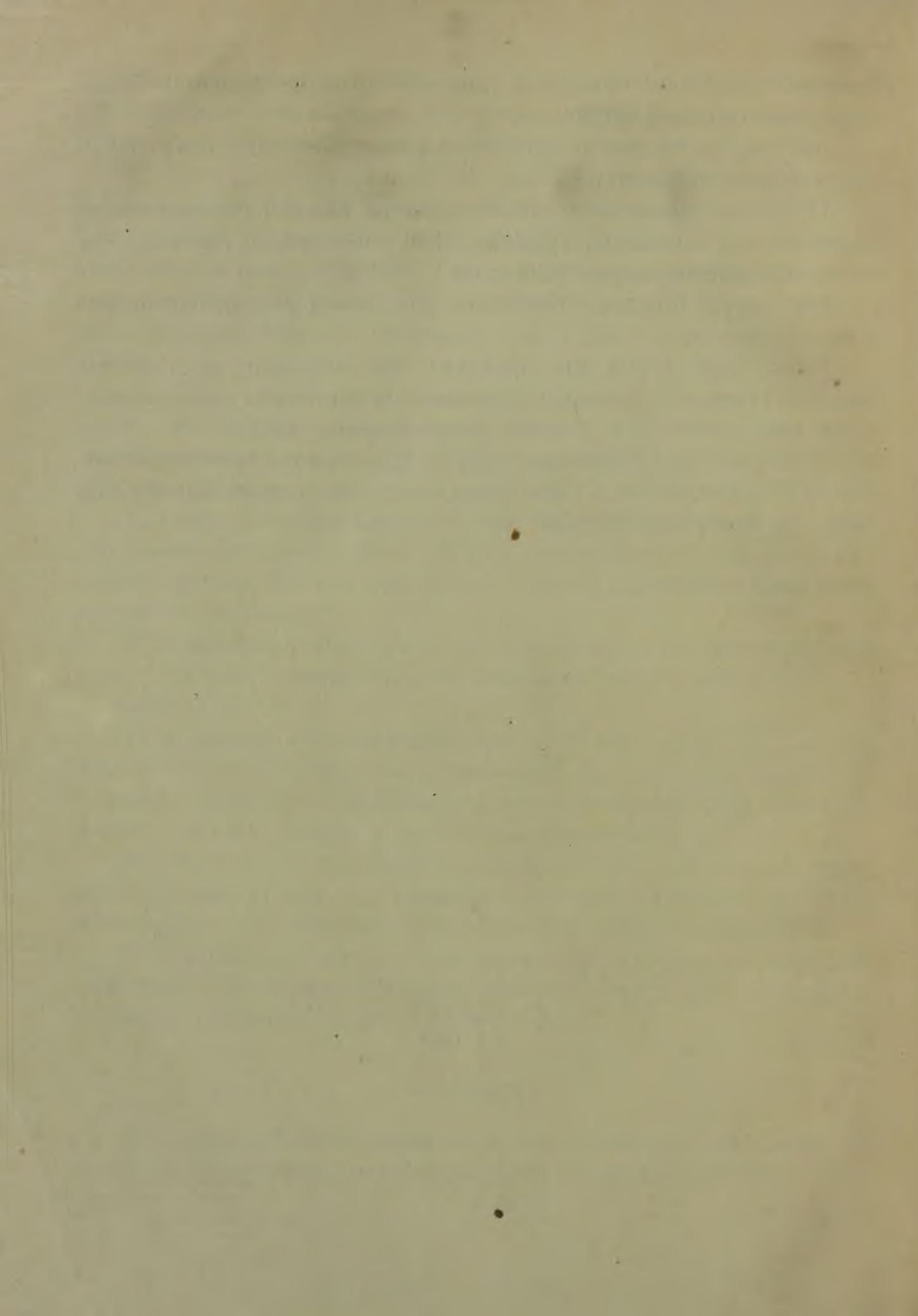
Но скорей, скорей в Советский Союз! Как радостно увидеть вновь дорогую родину!

От самой границы и до Москвы на каждой станции поезд ждали тысячи советских граждан. Наш вагон забили цветами. Мы охрипли от непрерывных рассказов.

Но вот и Москва. Миллионы москвичей вышли нас встречать.

Через весь город мы проехали, как любимые дети своего народа. На пути в Кремль нас забросали цветами и приветственными листовками. Вся Москва приветствовала нас.

В Кремле нас встретили товарищ Сталин и все правительство. Иосиф Виссарионович Сталин обнял нас, как родных сынов. Это была самая дорогая награда!



СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ма ол'нгемны	3
Нох пурытсув	5
Самолёт кабинаны	6
Ол'ынг тревога	8
Самолёт енгкны лангкса	9
Хась томытсув	14
Полюс	15
Ант путлыты полюс нумпины	17
Самолёт пал'нгыт кутны	19
Ёхытсув	21
Америка	25
Москва!	27
Русский текст	29

93555

Державна
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ім. Короленко. Харків

С № 29855
19 9 40

Редактор Г. Меновщиков.

Корректор О. Силаева.

Техн. редактор Е. Женин.

Леноблгорлит № 4463. Сдано в набор 1/VI 1939 г. Подписано к печати 9/X 1939 г.
Тираж 1 000. Бумага 70×108. Уч.-авт. лист. 2,3. Печатн. лист. 3. Бум. лист. 1½.
Тип. знак. в 1 бум. листе 32 000. Заказ № 4040. Инд. 111—VI. Изд. № 173.

Набрано во 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“
им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано с готовых матриц в типографии им. Володарского. Ленинград, Фонтанная, 57.

Перевёрнут 1948





229422004
Окружная библиотека

